

Серебрякова И.Г.
**Отношение крестьян к власти
в ходе «сплошной» коллективизации на Урале**

Поскольку аграрная политика сталинского руководства носила классовый характер и не имела выраженной национальной или региональной направленности - способы ее проведения в Казахстане, на Украине, в Поволжье, в Сибири и на Урале в период сплошной коллективизации, система методов управления политикой и экономикой были в основном идентичны.

Поэтому, с одной стороны, воздействие способов и приемов вовлечения крестьян-единоличников в колхозы на их социально-психологическое состояние, несомненно, во многом совпадало, и было характерно как для крестьян Урала, так и для крестьянства других регионов. Соответственно и изменения, которые происходили в настроении, во взглядах, в поведении крестьян, можно было наблюдать не только на Урале, но и повсеместно.

С другой стороны, взаимоотношения уральских крестьян и власти имеют свою региональную специфику, зависящую от целого ряда особенностей жизни на Урале в период коллективизации (пополнение уральского крестьянского сообщества за счет переселенцев и выходцев из центральных районов, сочетание факторов раскрестьянивания с суровыми природно-климатическими условиями, большой отток крестьянского населения на промышленные стройки Урала, дефицит земельных угодий, пригодных для коллективного землепользования и т.д.), что позволяет ставить задачу выявления не только сходства, но и различия с другими регионами в характере взаимоотношений и взаимодействия уральских крестьян и представителей новоявленной власти. Да и сама история формирования уральского крестьянства имеет свои особенности и отличия по сравнению с историей крестьянства, например, центральных регионов России.

Хотя отношение уральских крестьян к власти в период коллективизации в качестве самостоятельной проблемы историками не рассматривалось, - характеристики настроений, взглядов, поведения крестьян и представителей властных структур можно обнаружить в ряде региональных исследований последних десятилетий таких уральских ученых, как И.Е.Плотников, А.А.Базаров, А.С.Еремин, Л.В.Захаровский и др. (1).

Автор ставит задачей обозначить наиболее характерные проявления отношений уральского крестьянства к различным органам власти и изменения в этих отношениях на переломном этапе истории советского Урала.

Местные власти в полной мере использовали для принудительного объединения в колхозы как «старые», уже проверенные и зарекомендо-

вавшие себя в процессе революционной борьбы методы - ложь, пропаганду, террор, насилие, так и вновь отработываемые (в связи с появившейся возможностью диктовать свои условия) - судебные преследования, раскулачивание, лишение прав, выселение, репрессии, штрафы, принудительные работы и т.д.

В результате этих действий власти за период с 1 октября 1929 г. по 10 марта 1930 г. на Урале было коллективизировано 63,5 % крестьянских хозяйств (с 7,3 до 70,8 %). Это был пик насильственной коллективизации 1929/1930 гг. (2). Урал шел «вперед» многих краев и областей (по РСФСР на 1 марта 1930 г. в колхозы было объединено 55 % крестьянских хозяйств) (3).

Психологическое состояние значительной части сельского населения Урала было в этот период сложным. Политика советского руководства ставила крестьянина в положение несвободы и безысходности. Масса слухов олицетворяла Сталина с Антихристом. Ощущения безнадежности, необходимости морально-психологического выбора были характерны для всех категорий крестьянства: «Вот нас, бедноту и вообще всех загоняют в колхоз насильно, можно сказать – через нож, и отбирают у нас последнюю коровенку и лошаденку, - жалуется Кунгурцева Клавдия из Суерского района, Тюменского округа, - Газеты пишут, что коллективизировать только добровольно, а на деле что делается? Если кто не входит в колхоз, то на него наваливаются уполномоченный РИКа, избач, сельсовет, бригада и все твердят: если не вступишь, лишат земли, вырежут такую самую плохого качества, заставят расширить посев. А если не согласишься, отберут семена, отведут покос и выпас где-нибудь на окраине... Только запишись – у тебя отберут корову и лошадь. А разве они мне ее наживали?» (4).

В это же время в сообщениях прессы, документах официальных инстанций проводилась мысль о «всенародном подъеме», различных починах, что имело место, но только со стороны таких наиболее политизированных групп деревни как молодежь, бывшие партизаны, активисты и т.п. Так, Челябинский окружком ВКП(б), докладывал об активном участии комсомольцев в колхозном строительстве - собраниях молодежи, экскурсиях в коммуну для ознакомления с ее хозяйством и бытом, о помощи партячейкам в организации новых коллективных хозяйств: «Комсомольские ячейки организовали хозяйственную артель «Сигнал», объединив 169 хозяйств... В селе Мишкинском по инициативе секретаря комячейки организовано ТООЗ «Парижский коммунар».

Но еще больше в этой же докладной фактов, свидетельствующих о нежелании вступать или трудиться в колхозах: «Имеются случаи отказов комсомольцев от вступления в колхозы. Например, один комсомолец дважды вступал в коммуну «Тополь» и дважды под влиянием отца середняка выходил из нее. Колхозники не следят за обобщественным

имуществом». Кроме того, здесь же отмечены: падеж 21 головы скота от бескормицы, безотчетность в расходовании средств, безответственное отношение к строительству. Производственные совещания в коммунах в лучшем случае работают слабо, а в большинстве коммун и колхозов совершенно отсутствуют. Решения совещаний носят общий характер, никого ни к чему не обязывающий. Состав производственных совещаний не определен. Планов работы нет. Отсутствует руководство партячеек и в таких важнейших вопросах жизни колхозов, как поднятие производительности труда, трудовая дисциплина и борьба с прогулами, рационализация производства, вопросы режима экономии (5).

К весне 1930 г. против советской власти было настроено почти все сельское население. Оставался лояльным к руководству страны только немногочисленный актив. Понимание происходящего становилось все отчетливее даже для тех, кто защищал советскую власть в годы гражданской войны и внес существенный вклад в упрочение нового режима. Письмо группы партизан из деревни Антюгово Верхотеченского района, Шадринского округа, Уральской области, направленное в 1930 г. редактору газеты «Правда», отражает состояние людей, не только доведенных до отчаяния беззаконием и произволом властей, но и резко реагирующих на их проявления: «...Спаси Россию пока не поздно, у нас не хватает больше терпения. Я везде слышал от крестьян одно проклятие Советской власти... Вы пишете про Польшу, папу Римского и Китай – они все не страшны нам. Вы стомилионное крестьянство опозорили – далее некуда. Во время хлебозаготовок что ни проделывали: плевали в глаза, бороду дергали – все не опишешь. Вот уж некоего стало грабить, вы набросились на трудового крестьянина...» (6).

Реже всего за защитой крестьяне обращались в юридические инстанции. Причиной тому во многом являлась уверенность, что все местное начальство заодно, боязнь мести, а также незнание или плохое знание законов. Тысячи тревожных, гневных, а также и конструктивных писем и предложений шли с Урала в прессу, в различные руководящие инстанции, а также в адрес ЦК ВКП(б), Калинина, Сталина и т.д. Однако даже критикуя Сталина и его окружение, крестьяне продолжали сохранять веру в высокие инстанции, уважительное отношение к В.И. Ленину.

Наряду с антисоветской агитацией (недовольными высказываниями, антисоветскими и антиколхозными песнями, частушками, рассказами, анекдотами, высмеивающими советскую власть, ее политику и ее представителей), письмами, жалобами, а также сокрытием и умышленной порчей имущества, массовым самораскулачиванием и бегством в города, на рудники, шахты, заводы и т.д., - резко увеличилось количество массовых выступлений на почве раскулачивания или выселения кулачества, попыток описать имущество, конфисковать его, выселить попа и т.д. Наиболее резкими по своему характеру были выступления в Тагильском,

Сарапульском, Ишимском округах. Так, в Сарапульском округе, Камбакском районе, селе Большие Хлысты «в момент выселения кулака Санникова толпа крестьян в 100 человек пыталась избить 2-х сотрудников ОГПУ, уполномоченного райисполкома и председателя сельсовета, оказывая сопротивление выселению кулака. В деревне Северной Нижне-Салдинского района выступление носило повстанческий характер» (7). В селе Лебяжье (Курганский округ) в выступлении участвовало 500 человек. Основными «активистами» таких выступлений были чаще всего женщины-крестьянки. Местами дело доходило до осад сельсоветов.

Возросло и количество террористических актов. Начался фактический отстрел представителей сельской власти. «5 июня в деревне Змеевка Осинского района сыном кулака Кустовым выстрелом из обрезана убит секретарь ячейки ВКП (б)». В этой же деревне по данным оперативной сводки №8 ПП ОГПУ по Уралу «существует группировка в составе 12 человек. Своей целью крестьянская группировка ставила противодействие всем проводимым компаниям партий и советской властью в деревне». В деревне Усть-Баян в крестьянской группировке 13 человек. На их счету «огробрание колхозных амбаров, кооперации, частных лиц и хищение скота» (8). Н.А. Ивницкий приводит цифру - 260 случаев террора на Урале только в январе-марте 1930 г., отметив, что данные неполные (9). В статье «Обрезом селькоров не запугаешь» 4-го номера «Уральской областной крестьянской газеты» сообщалось: «Классовый враг в деревне не дремлет. Он начинает действовать ножом и обрезом. Он вступил в открытый бой с советской властью. Ряд товарищей погибли на селькоровском посту» (10).

«Кулацкий террор» долгое время являлся одним из главных оправданий жестокости массового раскулачивания. Согласно пункту 8 статьи 58-й совершение терактов против представителей советской власти «влечло за собой расстрел или строгую изоляцию на срок не менее трех лет с конфискацией всего или части имущества» (11).

Массовые волнения, разворачивающаяся крестьянская война, заставляют руководство страны принимать меры по нормализации положения в деревне. 2 марта 1930 г. публикуется статья Сталина «Головокружение от успехов» (12), что позволило крестьянству ощутить себя «услышанными». Следом, 14 марта постановление «О борьбе с искривлениями партийной линии в колхозном движении». Всю ответственность за «перегибы» - насилие над крестьянством, Сталин возлагает на местную администрацию, партийно-хозяйственных работников. Сталинская отповедь окончательно дискредитировала последних в глазах крестьян. 2 апреля 1930 г. выходит письмо ЦК ВКП(б) «О задачах колхозного движения в связи с искривлениями партийной линии», которое, осудив методы принуждения в проведении коллективизации, в очередной раз прошло критикой по низовым партийно-хозяйственным орга-

нам (13). Местных представителей власти исключали из партии, снимали с занимаемых постов, отдавали под суд.

В результате принятых решений происходит естественный процесс распада колхозов, резкое сокращение процента коллективизации. К 10 мая в колхозах осталось всего 308 тыс. (28,7%) крестьянских хозяйств области. Выходы продолжались все лето. На 1 сентября в уральских колхозах осталось 26,3% крестьянских хозяйств (14).

Но уже осенью 1930 г. началась новая волна насильственной коллективизации с сохранением и тех силовых методов, которые в начале этого же года привели к массовым выступлениям крестьян.

Непрерывное нарастание деструктивных процессов способствовало подрыву традиционного крестьянского мировоззрения. По наблюдению известного «троцкиста» Х. Раковского под давлением репрессивной политики режима типичным для крестьянских масс становится мнение: «Так хочет власть, а против власти не пойдешь» (15).

Ни раскулачивание, ни насилие в создании колхозов, ни закрытие церквей не приводят к открытым акциям сопротивления. Крестьянство было уже неспособно выработать линию сопротивления, адекватную политическому и психологическому давлению власти. Этому во многом способствовал политический маневр Сталина весной 1930 г., который вызвал новый всплеск надежд, стал важнейшим рубежом для утверждения его популярности среди широких масс. Наряду с традиционными представлениями крестьян об иерархии и функциях управленческих структур усиливаются ранее существовавшие социально-психологические установки, связанные «с особым отношением к центральной власти» в лице верховного правителя – «народного заступника». Конфликт «крестьяне-государство» с этого времени реализуется уже в самой крестьянской среде.

И все же сопротивление со стороны крестьян продолжало иметь место, но теперь как защитная реакция на политику власти и, как правило, проявлялась в действиях, труднообъяснимых в обычном состоянии – уничтожении скота, средств производства, «разбазаривании» имущества и др. Это пассивное сопротивление как линия поведения не только не привело к каким-либо положительным результатам, но имело разрушительные последствия для самого крестьянства, так как давало основания тоталитарному режиму для морального оправдания репрессий.

Аграрные эксперименты не прошли бесследно для отношений крестьянства Урала с новой властью, которая столь жестоко и цинично обошлась с его более чем 5-ти миллионным сельским населением. Подавив открытый крестьянский протест, советское руководство обрекло себя на последующую борьбу с пассивным сопротивлением сельских тружеников уже в рамках созданной колхозной системы.

1. Плотников И.Е. О темпах и формах коллективизации на Урале // Отечественная история. 1994. № 3; Базаров А.А. Кулак и агроулаг. Челябинск. 1991; Он же. Дурелом или господа

- колхозники. В 2-х т. Курган. 1997; Еремин А.С. Коллективизация крестьянских хозяйств на Среднем Урале (Ирбитский феномен). Дис. канд. ист.наук. Екатеринбург. 1997. Захаровский Л.В. Политика ликвидации кулачества как класса и ее проведение в Уральской области. 1929 – 1933 гг... Дис. канд. ист.наук. Екатеринбург. 2000.
2. ГАСО. Ф.239. Оп.2. Д.509. Л.4.
 3. РГАСПИ. Ф.374. Оп.9. Д.392. Л.194.
 4. ЦДОО СО. Ф.4. Оп.8. Д.54. Л.164.
 5. ЦДОО СО. Ф.4. Оп.7. Д.105. Л.25.
 6. Проклятыя крестьян падут на вашу голову... Секретные обзоры крестьянских писем в газету «Правда» в 1928-1930 гг. // Новый мир. 1993. № 4. С.180.
 7. ЦДООСО Ф.4. Оп.8. Д. 104. Л.51-58.
 8. ЦДООСО Ф.4. Оп. 10. Д. 235. Л. 141.
 9. Ивницкий Н.А. Коллективизация и раскулачивание. М., 1994. С.149
 10. Уральская областная крестьянская газета. 1929. № 4. С.6.
 11. Данилов В.П., Ивницкий Н.А. Документы свидетельствуют. Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации 1927-1932 гг. М. 1989. С.503.
 12. Сталин И.В. Соч. Т. 12. М.1949.С.124 -125.
 13. Документы свидетельствуют. Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации 1927-1932 гг. М. 1989. С.37.
 14. Ефременков Н.В. Уральская новая деревня. 1930. № 11. С. 56.
 15. Конт Ф. Революция и дипломатия. Х.Раковский. М. 1991. С.282.

Силантьев Д.В.

**Вильгельм Карлович Ансвесул:
первый декан исторического факультета в Свердловске**

Становление высшего исторического образования на Урале до сих пор остается недостаточно исследованной страницей истории. Биографии ученых способствовавших созданию первых исторических факультетов и заложивших основы для развития исторической науки на Урале зачастую пребывают в неизвестности.

Первый декан исторического факультета Свердловского государственного педагогического института прожил недолгую, но богатую событиями жизнь. Вильгельм Карлович Ансвесул, латыш по национальности, родился в рабочей семье в Риге в 1896 году. Его отец был слесарем-механиком на одном из рижских заводов, а мать ткачихой. Дядья его работали маляром, сапожником, обойщиком и мясником. С 8 до 13 лет Вильгельм учился в училище, потом еще два года занимался на политехнических курсах при заводе. В 1915 г. Ансвесул поступает слесарем на завод «Заламандра» в Риге. С началом Первой мировой войны предприятие эвакуируется в сначала в Самару, а потом, после смены собственника, в г. Миасс. Так Вильгельм Карлович впервые оказался на Урале (1). В июле 1917 г. молодой латыш вступает в ряды РСДРП(б). Уже в 1918 г. Вильгельм Карлович командует частью Красной гвардии Троицко-Кустанайской дивизии. Потом под его началом оказывается партизанский отряд «красных» на Алтае. В 1919 г. Ансвесул назначается комендантом Алтайского ГубЧК (Барнаул). Дальше его карьера стремительно идет вверх: 1920 г. – заведующий юридическим отделом Горно-